

Глава 6

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

“Прямая демократия способна закрыть пропасть между обществом и властью, которая становится все более опасной. Переход от партийного государства к гражданской демократии — первая задача 21 века.”

Геро фон Рандо,
политолог, “Ди Цайт”,
февраль 2000 г.

Исторический ракурс

Многое поражает и удручает среди качеств российской интеллигенции. В том числе — удивительное непонимание банальной, казалось бы, истины, что все в мире подвержено изменению, развитию (или деградации!). Мы уже говорили о том, что российские интеллектуалы, симпатизанты капитализма, не подозревают, что изменению подвержено понятие частной собственности, ее объекта. То же самое относится и к понятию демократии, ее сути и структуры. Все отцы нашей демократии говорят о ней как о чем-то неизменном, в то время как она меняется у нас на глазах.

Мы уже говорили об экстенсивном ее развитии — от демократии для аристократии до вступления демократии внутрь трудовых ячеек общества. Но это только один из аспектов ее развития. Можно увидеть изменение и внутреннего содержания демократии.

Новый этап тут начался после 1945 года, после разгрома нацизма и фашизма и создания атомного оружия. Люди в за-

падных странах поняли, что больше нельзя жить по законам джунглей, как во внутренних, так и в международных отношениях. Апогей насилия, разлившегося по миру от первой мировой войны до второй, вразумил людей в развитых странах относительно того, что ждет их в атомную эпоху, если не восторжествуют в политической и социальной жизни нравственные принципы и основанные на них единые “правила игры”. И можно сказать, что с 45-го года в западных странах начинается процесс изживания средневековья и становления действительно цивилизованного образа жизни. Процесс этот идет естественно со срывами, по синусоиде, но срывы всякий раз преодолеваются — и совершенствование демократии продолжается. Слишком велика очевидно потребность в таком совершенствовании и велика психологическая инерция, набранная этим процессом.

С 45-го года с мире происходят перемены, которые раньше невозможно было себе и представить. Создается Организация Объединенных Наций, Всеобщая декларация прав человека, распространяется само понятие этих прав, возникают массовые международные правозащитные организации, разрабатываются и принимаются большинством стран Международные правовые пакты, происходит добровольное освобождение большинства колоний, немыслимой становится война между демократическими западными странами. Уже в последнее десятилетие мы становимся свидетелями создания Европейского Сообщества, Европейского парламента, Суда по правам человека; входит в жизнь практика миротворческих операций и гуманитарной помощи странам, терпящим какие-либо бедствия.

У нас никто почти не отдает себе отчета, что еще совсем недавно могло происходить истребление какого-либо народа каким-либо агрессором или массовая гибель людей от стихийного бедствия, и никто извне не предоставлял никакой помощи терпящим бедствие, не пытался защитить от насилия.

Все эти изменения, развитие демократии, мы в России не заметили, точнее, не осознали их значения по той причине, что они замалчивались и извращались советской пропагандой, а после короткого перерыва в перестройку, начали замалчивать-

ся и извращаться и пропагандой “антисоветской”, которая вновь начала натравливать россиян на “злодейский” Запад, хотя теперь такая пропаганда приняла уже совсем трагикомический характер: в России ведь установлен тот же самый строй, что и на Западе – капиталистический! Но в бандитском варианте. И даже при таком варианте мы смотрим на Запад свысока, обвиняем его в аморальности, лицемерности, русофобии и т.д.

Между тем на Западе намечается сейчас процесс дальнейшего изменения и развития демократии.

Внимательные социологи уже давно стали замечать растущее недовольство партийной системой, лежащей в фундаменте современных демократий. В последнее время критика на Западе партийной системы поднялась на новый уровень радикальности. И критикуется эта система не только и не столько за подверженность коррупции, сколько за внутрипартийный авторитаризм, консерватизм и неспособность решать угрожающие миру проблемы, равно как и за помеху развитию гражданского общества, гражданских инициатив.

Дело дошло до того, что даже политики-центристы стали думать о развитии прямой демократии в обход или в дополнение к демократии представительной, формируемой на двух-трехпартийной основе. Вот передо мной последний (к моменту работы над книгой) пример — статья Геро фон Рандо в одном из самых авторитетных в Европе изданиях — в еженедельнике “Ди Цайт” (статья цитируется в эпиграфе). Автор, ссылаясь на успешное функционирование элементов прямой демократии в США и Швейцарии, призывает к ее внедрению и в Германии. А это прежде всего практика проведения многочисленных референдумов по конкретным вопросам социальной и экономической жизни регионов, городов и всей страны. В США референдумы проводятся как правило одновременно с выборами в органы власти. Обсуждаются на Западе и возможности усиления прямого общественного контроля за всеми ветвями власти, начиная с законодательной. (Которая там, не забудем, стоит выше исполнительной!)

И дело уже не ограничивается дискуссиями. Руководство правящей в Германии Социал-демократической партии (СПД)

пришло к мнению, что впредь население страны должно привлекаться к участию в принятии важнейших политических решений и для этого уже в нынешнем избирательном периоде необходимо предоставить гражданским инициативам право на проведение народных референдумов. В связи с этим руководство СПД обратилась к Профсоюзам и к партии Свободных демократов(ФДП) с призывом проголосовать за соответствующие изменения в Основном Законе (конституция Германии).

Маленькое отступление. Марксисты, будучи далекими от социальной психологии и не понимая значения психологической инерции в социальной жизни, продолжают твердить об ограниченности и лицемерии “буржуазной демократии”, уверяя всех и друг друга, что при серьезной угрозе капиталистическому строю буржуазия не преминет нарушить демократические нормы и правила, и все новые демократические и правовые достижения полетят прахом. Я на это отвечаю — может быть и так, а может и по другому: психологическая инерция правосознания наберет к тому моменту такую силу, что на нарушение демократических норм у буржуев рука не поднимется. Пока что уже набранная инерция то тут, то там сокрушает партии крупного капитала (например, в Италии, Германии), расшатывая систему двухпартийных демократий, представляющую собой политическую опору капиталистического строя.

Но видится другая преграда эволюционно-реформистскому развитию демократии: господство транснационального капитала, который начинает придавливать и существующие демократические институты. В случае же весьма возможного глобального катастрофического кризиса, который может вызвать транснациональный капитал, когда встанет вопрос уже не о сохранении капиталистической системы, а вообще о жизни на земле, власти развитых стран могут попытаться вернуться к авторитаризму и методам госсocialизма в экономике или, как сейчас это у нас камуфлируется, к “мобилизационной” экономике, что будет означать победу злокачественного синтеза капитализма и социализма. Удастся ли такой поворот, и надолго

ли его хватит, это уже другой вопрос. Тут и проверится сила инерции в развитии правосознания и демократии.

Избирательная система в обществе кооперативного социализма

При кооперативном социализме упомянутые выше тенденции к “спрямлению” демократии разумеется получают свое дальнейшее развитие. Предприятия и учреждения работников будут жизненно заинтересованы в возможности осуществления прямого контроля над государственными органами власти в целях борьбы с бюрократическим окостенением этих органов и коррупцией в их среде. Не забудем, что государство будет руководить таким важным для жизни общества механизмом, как Фонды Развития.

В целом новая демократия на уровне государства должна будет обеспечивать одно из двух фундаментальных прав свободного человека — право на обладание решающим голосом во всех касающихся его делах и во всех структурах, членом которых он состоит.

Для развития такой демократии прежде всего необходима принципиально новая система выборов в **законодательные органы** власти, система прямого представительства трудовых ячеек и объединений в этих органах, когда депутаты в законодательные органы власти всех уровней избираются прямо от предприятий, учреждений и объединений индивидуально работающих людей, включая объединения частных предпринимателей, учащихся, пенсионеров.

При такой системе:

1. Избиратели будут хорошо знать людей, за которых они голосуют, так как это будут в основном их коллеги по работе. Рекламные избирательные технологии сделаются ненужными — кот в мешке не продашь.

2. Кандидатам не нужны будут деньги для предвыборных компаний, и это избавит их от необходимости продаваться в поиске этих денег. Не понадобится и поддержка властей. Достаточно будет перед выборами кандидату выступить на собрании своего

трудового коллектива и ответить на вопросы коллег.

3. Избиратели легко смогут контролировать и корректировать позицию своих депутатов-представителей, а в случае полного в них разочарования их легко будет отзывать и заменять. Достаточно остаться на собрание после работы, обсудить поведение депутата и проголосовать за его отзыв и замену. При территориальных выборах это сделать практически невозможно: избиратели, работая в различных заведениях, не имеют возможности совместно и регулярно обсуждать деятельность “своего” (тут без кавычек не обойтись!) депутата и не способны собираться (самостоятельно!) для решения вопроса о его отзыве и замене.

При производственной избирательной системе станут необходимы координационные комитеты в регионах, чтобы определять, каким коллективам (объединениям) в какие органы представительной власти (городские, региональные, федеральные) избирать депутатов, и устанавливать между ними очередность по избранию депутатов на высшие уровни власти. Ведь для представителей всех коллективов и объединений места там не хватит!

Законодательно должна быть определена норма — от какого числа работников (членов объединений “единоличников”) должен избираться один депутат. Скажем, от предприятия с числом работников в два раза больше такой нормы должно избирать двух депутатов, а маленькие предприятия (одной отрасли!) должны объединяться в куст, с общим числом работников, близким к норме.

В сельской местности крестьяне-единоличники, фермеры, могут избирать своих депутатов, группируясь по территориальному принципу.

Нормы представительства для различных отраслей деятельности скорее всего не будут одинаковыми — сложатся какие-то коэффициенты в зависимости от важности отрасли. Скажем, ввиду того, что на энергетических предприятиях работает относительно мало людей, и в то же время велико значение этих предприятий, их коллективы должны, наверное, иметь право выбирать депутатов от меньшего числа работников, чем в других отраслях. Повышенные коэффициенты будут, вероятно, и у научных работников.

Возникнет потребность и в создании отраслевых координационных комитетов, которые смогут выработать указы депутатам своей отрасли (долгосрочные и по текущим вопросам), обсуждать их деятельность, давать ей оценку и в случае необходимости рекомендовать коллективу, избравшему плохого депутата, его заменить.

Комитеты этих двух типов (региональные и отраслевые) кроме всего прочего будут стимулировать в обществе гражданскую активность и ответственность, приобщать большинство граждан к участию в принятии политических и хозяйственных решений, давать им дополнительную возможность реализовывать свое право *решающего голоса*, являясь и школой управления делами государства. Нынешнее положение, при котором депутаты зависят от воли своих избирателей только во время выборов, да и то весьма и весьма относительно, при производственной системе выборов уйдет в прошлое.

Избирательная система на производственной основе ликвидирует и практику лоббизма, точнее легализует ее, и тем самым устранил одну из сфер коррупции во власти.

Лоббизм потеряет свою криминальную потенцию еще и по той причине, что исчезнут в стране мощные олигархические монополии.

Далее, депутаты будут избираться скорее всего на один срок. (Срок этот может быть больше, чем сейчас на 1,2,3 года.) Находясь, как сейчас, в парламентах несколько сроков подряд, депутаты теряют понимание интересов своих избирателей, начинают штамповать свой подход к решениям, приобретают кастовые интересы, становятся над обществом и избравшими их людьми.

Ограничение времени пребывания в законодательных органах власти резко расширит потенциальные возможности для большого числа людей быть избранными. Могут возразить, что каждая новая смена депутатов лишена опыта парламентской работы и должна будет его в течение долго времени приобретать. Но, во-первых, в таких случаях можно на выборах обновлять лишь половину депутатского корпуса, чтобы новички могли учиться у депутатов, уже полсрока проработавших в парламенте. Как это, между прочим, делается в США! А во-вторых,

надо не забывать, что навыки к представительской, парламентской деятельности в обществе самоуправляющихся коллективов будут воспитываться у очень большого числа людей что называется с пеленок, то есть с работы в органах самоуправления в своих трудовых коллективах!

Описываемая избирательная система уже давно применяется в федерациях кооперативных фирм для избрания членов центральных органов федераций. Система, основанная на представлении интересов общества в законодательных собраниях партийными функционерами, профессиональными политиками (избираемыми по территориальному принципу), сыграла свою положительную роль в истории. Как и капиталистический хозяйственный уклад, опирающийся на такую систему. При становлении демократии, при политической и культурной неразвитости широких народных слоев, вышедших из феодализма и пребывавших наемными, «отчужденными», работниками у новых хозяев, капиталистов, иной демократии, нежели опосредованной через выдвигаемых политическими партиями профессиональных политиков-депутатов быть не могло. Но теперь такая демократия, как и породивший ее капиталистический уклад, подходят видимо к своему пределу. Все большее число людей начинает осознавать недостаточность и непригодность в нынешних условиях опосредованной демократии, когда волю народа представляют почти не зависящие от него профессиональные партийные политики.

Выборы по производственному принципу, как мы уже говорили об этом в 1-ой главе, были бы спасительными для нашей страны ввиду отсутствия у нас массовых партий, независимых от крупного капитала и власти. И в разгар горбачевской перестройки я не раз встречал в прессе выступления людей, в том числе юристов, ратовавших за производственную систему выборов. Но номенклатурные коммунисты, жаждавшие стать капиталистами, как и лишенная рассудка элитная интеллигенция, слышать об этом не хотели. Действительно, как можно было бы присваивать государственную собственность за ничтожные деньги, да и те — изъятые из госказны, если бы в законодательных органах власти заседали представители трудовых коллективов, избираемые по производственному принципу!

Нельзя забывать и того, что производственная система выборов (в примитивной, классовой форме) уже применялась в России при выборах первоначальных “Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов”. После Октябрьской революции она была тихо упразднена большевиками, чтобы вырвать Советы из-под контроля избирателей. Трудовые коллективы стали *выдвигать* только *кандидатов* в депутаты, а депутатами они уже избирались на территориальных выборах, да еще и на безальтернативной основе. Но и выдвижение кандидатов впоследствии стало происходить, как известно, под контролем партийных организаций и директоров предприятий. В “кооперативном” случае, не забудем, такого давления быть не может: партийных организаций не будет, а директора сами будут находиться под контролем коллективов.

Раньше, в моей предыдущей книге (“Самоуправление”, М., 1992) я предполагал, что возможен переходный период, в течение которого парламент мог бы состоять из двух палат, одна из которых, ведающая экономикой, избиралась бы по производственному принципу, а другая, для решения политических вопросов, формировалась бы на выборах по партийно-территориальному принципу. Но за прошедшее время я убедился, что российский так называемый политический класс до такой степени деградировал морально и умственно, что он должен быть совершенно отстранен от политики и экономики, а это легче всего сделать, формируя всю законодательную власть на производственных выборах.

В переходный — к демократии кооперативного социализма — период возможно временное допущение избрания депутатов от партий по территориальному принципу на 10, скажем, процентов мест в законодательных органах власти, чтобы профессиональные политики, пользующиеся доверием избирателей, могли участвовать в работе парламентов. Кроме того, у партий всегда будет возможность выдвигать своих людей на производственных выборах по месту их работы или от творческих объединений.

А вот **выборы главы исполнительной** власти скорее всего будут проходить на старой партийно-территориальной ос-

нове: кандидаты будут выдвигаться партиями и избираться на всенародных выборах, т.е. по президентскому типу.

Такой тип выборов здесь диктуется, во-первых, необходимостью для избирателей опять же знать людей, из числа которых им нужно выбирать руководителей исполнительной власти, а во-вторых, необходимостью избирать их из числа профессиональных политиков. И лучше всего обоим условиям отвечают лидеры партий.

Избранный на пост президента лидер партии сможет подбирать свой кабинет из руководства своей партии, все члены которого должны утверждаться парламентом. И парламентом же могут отправляться в отставку. Как и сам президент! (Наверное, двумя третями голосов.) То есть речь идет о демократической модели президентской власти американского образца. Но в обществе, где каждый гражданин будет обладать правом решающего голоса во всех касающихся его делах и структурах, отправлять в отставку президента и его правительство будет иметь право и само население — с помощью референдума, назначаемого по требованию определенного законом числа граждан. В условиях подконтрольности депутатов своим избирателям применение такого права может никогда и не потребоваться, но существовать оно на всякий случай должно.

Переизбираться президент сможет, наверное, не более одного раза.

Нельзя забывать и об интересной идее Рудольфа Штайнера, создателя антропософии — о трехчленном делении государства на три автономные секции. А именно, на политическую секцию, в ведении которой будет охрана порядка, границ, природы, внешние отношения и т.д.; хозяйственную — расширенное воспроизводство, налоги, руководство государственными предприятиями и учреждениями; и научно-культурную — наука, образование, масс-медиа, литература и искусство. Каждая секция должна иметь свои законодательные и исполнительные органы власти, свой бюджет. Такая структура может дать дополнительные гарантии против бюрократизации и авторитаризма исполнительной власти. Кроме того, может способствовать и увеличению компетентности руководства. Изба-

вит главу правительства от необходимости быть специалистом во всех областях и сферах.

Проблема партий

Законодательная власть в обществе синтетического социализма неизбежно окажется беспартийной по своему характеру. Депутаты законодательных собраний могут конечно быть членами каких угодно партий, но самоуправляющиеся коллективы-собственники никогда не допустят, чтобы их представители защищали чьи-либо интересы, кроме интересов избравшего их коллектива. И партийная принадлежность будет играть очень маленькую роль, если не нулевую, при выборах в законодательные органы.

По партийному принципу будут формироваться, как мы уже говорили, лишь исполнительные органы власти, так как во главе их должны стоять известные всем профессиональные политики.

В целом роль партий в жизни общества самоуправляющихся кооперативных коллективов будет, как видим, значительно меньше чем сейчас.

В перспективе мыслимо и полное “отмирание” партий, место которых могут занять научные группы (клубы) или институты. Они могут предлагать стране или парламенту свои программы и методы решения проблем и выдвигать на выборах своих кандидатов в правительство для их реализации. Сейчас ведь тоже программы серьезных партий разрабатывают за кулисами группы ученых, экспертов.

Среди сторонников демократического социализма по вопросу о партиях существует и два других направления. Одно — за обычную многопартийную систему, другое — за полностью беспартийную. Вот как аргументирует последнюю точку зрения Ота Шик, один из ведущих деятелей Пражской весны: “В нашей стране было два направления: одно стремилось только к плюрализму (большее количество политических партий), а другое — должен сказать, что я принадлежал к нему и защищаю его и сегодня — пыталось искать нечто новое. Мы считали, что форма политических партий — это старое, отжившее,

что уже и на Западе она себя не оправдывала. В сущности во всех партиях все решает небольшая группа, масса же рядовых членов фактически на политику партии не имеет никакого влияния. Партии — это в каком-то смысле такие институты, где отдельные люди делают себе политическую карьеру. Партийная система — это не та система, которая могла бы обеспечить то, к чему мы стремимся, а именно: эластично объединять группы людей с общими интересами (которые могут быть долгосрочными или кратковременными) для достижения определенных целей, после чего люди могут свободно расходиться. Мы стремились создать более глубокую систему плюрализма. В этом направлении, если вы заметили, уже делались шаги в Народном фронте. Мы пытались провести это на практике и через Народный фронт прийти к различным организациям: молодежным, культурным, общественным; к самым разнообразным группировкам, связанным общими интересами и добивающимся осуществления той или иной идеи общественного развития”. (журнал “Грани”, Франкфурт-на-Майне, 1972, № 86.)

Здесь мне прежде всего хотелось бы отметить факт 30-летнего опережения пражскими реформаторами начавшихся сейчас в демократических странах дискуссий о необходимости уменьшения роли партий и движения к более прямой демократии. Факт этот о многом говорит. В том числе и о том трудно измеримом ущербе мировому развитию, который нанесло подавление Пражской весны Советским Союзом.

Я прежде тоже почти полностью стоял на позиции, сходной со взглядами Ота Шика, что и было отражено в первой рукописи моей книги “О самом главном”(1970 г.). Но в результате дискуссий со сторонниками многопартийной системы я пришел к “компромиссной”, или синтезной, модели, изложенной выше: беспартийный парламент и партийная исполнительная власть. Ведь запрещать партии нельзя, и они еще долго будут существовать. Модель беспартийного общества и власти — вероятная перспектива будущего.

Подтверждение верности синтезной политической модели я вижу в политической системе США. Действительно США (наряду со Швейцарией) — страна наиболее развитого *регионального* самоуправления (штатов, городов). И в результате

избиратели заинтересованы в том, чтобы их делегаты в Конгрессе представляли и защищали более всего интересы их регионов (городов), а не интересы каких-либо партий. В США выборы в Конгресс проходят не столько по партийному принципу, сколько по доверию, которое внушают личность и личная программа кандидата как представителя города или штата. Вследствие этого депутаты Конгресса слабо связаны партийной дисциплиной. Почти по любому вопросу депутаты, члены демократической партии, объединяются с депутатами-республиканцами против временного объединения других демократов с другими республиканцами. Конгрессмены руководствуются более интересами своих избирателей и своим пониманием проблем, нежели мнением руководства своей партии. Таким образом законодательная власть в США имеет во многом беспартийный характер. В то же время исполнительная власть в США вполне партийна. Кандидаты в президенты выдвигаются партиями и избираются на отдельных выборах. Затем сами подбирают остальных членов исполнительной власти, как правило целиком из своей партии. То есть правительство не формируется парламентом, Конгрессом, и не зависит от игры голосов в Конгрессе, как это имеет место в Европе. Конгресс контролирует деятельность правительства, принимает законы и имеет процедуру, позволяющую лишить полномочий любого члена правительства, включая президента, в случае нарушения ими законов и Конституции. Президент же не имеет права распускать парламент (Конгресс), ибо последний представляет народ страны. Один человек не может представлять народ со всеми его классами и слоями, имеющими самые разные интересы и взгляды. Один человек считается представителем народа, «всенародно избранным», лишь в странах с авторитарными режимами.

Наконец, президент США, а следовательно и его администрация, правительство, не имеют права оставаться у власти более двух сроков. Там, где есть самоуправление, имеется и повышенная заинтересованность в том, чтобы исполнительная власть не окостенела и не становилась над обществом!

Институт решающего голоса и прямая демократия

В обществе “синтезного” социализма каждый гражданин должен иметь решающий голос в делах всех объединений, членом которых он состоит: района, города, области, государства, а также предприятия (учреждения), где он работает. Включая сюда и голос в выработке наказов депутатам всех уровней, к избранию которых причастен данный гражданин, и в контроле над ними.

Каждый гражданин должен иметь право на выступление в любых органах власти или в их официальных печатных органах; право постановки на обсуждение какого-либо предложения; право требовать создания комиссий или проведения всенародного (или регионального) референдума по какому-либо вопросу, в том числе и по принятию разработанных в обществе законопроектов.

Для реализации этих прав (и защиты от злоупотребления ими) необходимо, разумеется, разработать определенную процедуру предварительного утверждения индивидуальных инициатив на низших уровнях.

Законодательные инициативы из общества могут утверждаться независимо от парламента путем референдумов или путем, уже давно используемым в Швейцарии, когда законопроекты, предложенные в обществе и поддержанные на референдуме, приводятся парламентом в соответствие с конституцией и другими законами, и после того окончательно утверждаются. То есть общество здесь выступает в роли присяжных заседателей, а парламент — суда. На первых порах этот путь для нашей страны представляется более подходящим.

В США на региональных референдумах решаются многие практические вопросы, например о градостроительстве, экологических мерах, о развитии культурно-образовательных общественных учреждений и т.д. А также граждане высказывают свое отношение к новым законопроектам или законам, вышедшим из парламента, поддерживают их или нет. (То есть тут действует механизм, противоположный швейцарскому.)

Особенно активное внимание уделяется американским обществом вопросам бюджетной политики. Скептические представления о том, что граждане не в состоянии хорошо справиться с этой сложной материей, как показывает опыт, беспочвенны. Научные институты в США и Швейцарии пришли к выводу, что чем больше граждане влияют на государственную бюджетную политику, тем меньше делаются налоги и государственные долги, укрепляется налоговая мораль, улучшаются общие экономические показатели. (Об этом в частности речь идет и в статье Геро фон Рандо.)

Так что, как видим, уже накоплен большой опыт в применении элементов прямой демократии.

И еще один момент. Часто можно слышать вопрос, а как будет обстоять дело с **местным, муниципальным самоуправлением** при кооперативном социализме? Вопрос очень забавный. Это все равно, что спрашивать о профсоюзной организации в самоуправляющемся кооперативном предприятии. О каком местном самоуправлении может идти речь, если государственные органы власти на всех уровнях будут органами самоуправления? Выборы на производственной основе плюс право решающего голоса у всех граждан — это ведь и есть местное самоуправление!

Местное самоуправление в условиях кооперативного социализма впервые станет реальной силой: во-первых, потому, что будет обладать всеми властными полномочиями, не деля их с государственными органами местной власти за отсутствием таковых; во-вторых, члены, депутаты местного самоуправления, будут избираться по производственному принципу; и в-третьих, бюджет местного самоуправления будет формироваться, как и бюджет всех высших уровней власти — из налогов и доходов госпромышленности, а не по “остаточному” принципу.

До сих пор везде и всегда, где и когда создавалось местное самоуправление, оно оказывалось, как правило, слабым или очень слабым. Хорошо если окажется в руководстве активный и толковый чудаков-патриот местного самоуправления, еще будет что-то делаться, а ушел такой человек, и самоуправление засыпает, если не становится орудием корыстных людей

или прямо жуликов. Ведь органы местного самоуправления до сих пор везде, где они существуют, создаются на территориальной основе, т.е. на основе аморфного конгломерата жителей района, поселка, работающих в различных заведениях, с различными интересами, которым самостоятельно очень трудно, практически невозможно собраться вместе для обсуждения работы местного самоуправления, и которые по всему этому не способны эффективно контролировать и подталкивать эту работу.

Меня всегда между прочим поражало, что местное самоуправление обсуждается у нас и законодателями, и публицистами, все время стоит на повестке дня. Многие деятели, к примеру Александр Солженицын, видят в “возрождении местного самоуправления, земств” чуть ли не панацею от всех бед. Однако же о неизмеримо более важном и решающем — о производственном самоуправлении говорить как бы не принято. Причину понять нетрудно: производственное самоуправление затрагивает коренные интересы власть и деньги имущих.

Проблема национального самоопределения

Это сейчас острейший мировой вопрос, а уж для России и подавно, и его нельзя оставить без внимания, говоря об обществе самоуправляющихся коллективов-собственников.

Право на самоопределение и самоуправление народа или региона столь же непреложно, как и все другие права, обсуждаемые нами. Абсурдно допустить, что трудовые коллективы могут обладать правом на самоопределение “вплоть до отделения”, а сообщество таких коллективов — народ — может быть его лишен. Отсутствие свободы национального самоопределения означает по сути сохранение крепостных порядков. В свободном обществе есть лишь два учреждения, откуда нет свободного выхода. Это — тюрьма и сумасшедший дом. И отсутствие права на отделение народа или региона превращает государство либо в тюрьму, либо в сумасшедший дом, либо в то и другое вместе взятое! Замечательно в этой связи, что в ельцинской конституции зафиксировано право на присоединение к Российской Федерации, но не обозначено право на выход!

Я убежден, что т.н. сепаратизм, особенно в случаях, когда не существует brutального национального угнетения, объясняется стремлением активной части народа к самоуправлению. Мотив национальной независимости в этом случае лишь прикрывает это стремление. Великодержавники возражают: это честолюбивая интеллигенция мутит воду, подстрекает свои народы к сепаратизму! Да, в значительной степени это верно. Самоуправление, как и свобода вообще, острее всего необходима для социально и творчески активных людей.

Но чем объяснить интеграционный процесс в Западной Европе, на который великодержавники ссылаются в споре со сторонниками свободы самоопределения? Вот, мол, теперь время объединяться, а не разъединяться! Процесс западноевропейской интеграции определяется главным образом экономическими причинами — агрессивной конкуренцией с США и Японией. Дальше экономики, я уверен, эта интеграция не пойдет. И я не считаю ее положительным явлением: она ограничивает свободу народов в данном регионе.

Великодержавники имеют в своем арсенале и такой аргумент: свобода самоопределения приведет к потокам крови. Но пока что к потокам крови приводят попытки не допускать такой свободы! Последние тому близкие примеры — Карабах, Абхазия, Хорватия, Босния, Косово, Чечня.

Приоритет принципа территориальной целостности над правом на самоопределение находится в непримиримом противоречии и с фундаментальными политическими правами человека: правом на свободу слова, собраний, объединений. В странах, где свобода выхода народов или регионов отсутствует, любая деятельность в пользу их отделения приравнивается к преступлению и пресекается. В Чехословакии допустили право Словакии на отделение, и не было ни нарушений прав человека, ни крови!

Еще пугают сложностями. Там народ, стремящийся к отделению, не составляет большинства в своем регионе, в другом случае имеется компактно проживающее национальное меньшинство, которое не хочет отделения от государства своих соплеменников. И так далее. Но на все такие случаи можно выработать общие правила и учредить арбитражный орган под эгидой вышестоящего сообщества — ООН, Совет Европы и т.п.

Общие правила, к примеру: проведение референдума в спорных случаях; установление срока, после которого национальное меньшинство, компактно проживающее на определенной территории, может иметь право на отделение. Скажем, три поколения — 100 лет. А до той поры — только национально-культурная автономия. Установление правил обмена населением (при отделении) или территориями для устранения конфликтной чересполосицы проживания народа, добивающегося самостоятельности. Или эвакуация этнического меньшинства, принадлежащего народу-угнетателю. Так Франция, уходя из Алжира, эвакуировала оттуда около миллиона проживавших там французов, чтобы уберечь их от мести алжирцев. То же самое пришлось сделать и португальцам при уходе из Анголы.

Право на отделение должно распространяться разумется и на регионы с этнически смешанным населением, если большинство населения (должно быть установлено, какое для этого нужно большинство) выскажется на референдуме за отделение. Право на “развод” должны иметь и регионы с этнически однородным населением. Живут же раздельно немцы — в Швейцарии, Австрии и Германии, англосаксы — в Америке и Англии и т.д. Немецкие нацисты не признавали, как известно, сепаратного существования Австрии и в 1938 году произвели “аншлюс” с помощью танковых колонн, но после поражения гитлеровской Германии Австрия вновь отделилась.

Право на самоопределение, что называется, стучится в двери международного сообщества. Президент США Вудро Вильсон в 1919 году с одной стороны и Ленин — с другой провозгласили это право одним из фундаментальных принципов организации международной жизни. Право на самоопределение вошло и в устав ООН, но затем на Хельсинкском совещании в 1975 году в угоду СССР приоритет был отдан принципу территориальной целостности. Чтобы Москва была спокойна, что никто не станет претендовать на возвращение территорий, присвоенных Советским Союзом после Второй Мировой войны. (Не забудем, что СССР, единственный из числа стран-победительниц, вышел из войны с территориальными приобретениями!) То есть в Хельсинки под шапкой “неприкосновенности территориальной целостности” фак-

тически было освящено нарушение целостности ряда государств (Германии, Японии, Румынии, Финляндии, Словакии, Венгрии) в пользу Советской России!

С тех пор принцип целостности формально продолжает оставаться приоритетным, но практически теряет свою силу под натиском народов, стремящихся к независимости. Принятие, точнее, восстановление права на самоопределение в конституции России (с приложением механизма реализации этого права) только укрепило бы страну, так как способствовало бы появлению доверия нерусских народов к России. И уж совсем было бы замечательно для нашей страны, если бы она выступила инициатором возвышения права на самоопределение в международном законодательстве и тем реабилитировала себя за кровавое имперское прошлое и настоящее (две войны в Чечне).

Разумеется в обществе демократического социализма право народов и регионов на самоопределение вплоть до отделения будет полным и гарантированным.

Обобщающая формула синтезного уклада.

В завершение описания всех синтезных структур приведем обобщающую формулу этого уклада.

Это синтез:

- политического плюрализма, демократических свобод и прямого контроля граждан над всеми ветвями и уровнями власти;
- частной собственности на продукты труда — с коллективными формами владения средствами труда;
- профессионального руководства хозяйственными объектами — с внутренней демократией в них;
- конкурентной рыночной экономики — с государственным планированием посредством кооперативно-государственных Фондов Развития;
- самоуправления в науке, образовании и культуре — с финансовой поддержкой этих отраслей государством;
- общественной/государственной собственности на природные ресурсы — с кооперативной/частной их разработкой;

▪ общественной/государственной собственности на землю — с правом *вторичных* собственников на пользование и распоряжение их земельными участками, включая куплю-продажу под контролем *титального* собственника — государства.

И последнее. В России сейчас, после воцарения Путина, им и его клеветами вновь начал муссироваться заезженный аргумент против демократизации государственной власти и федерализма: для России, мол, традиционна авторитарная и централизованная власть. Но даже несогласные с этим тезисом забывают сказать, что такая власть веками существовала и во всех других, ныне демократических странах. (Исключение США, у которых история коротка.) Но когда-то надо уходить от авторитаризма и унитарности. В XXI веке, наверное, самое время это сделать для России. Сейчас это уже для нашей страны вопрос выживания. Именно продолжение самодержавия может привести к хаосу и развалу страны, если не к чему худшему. В 21-ом веке, с его высочайшим развитием производительных сил, авторитарно и централизованно невозможно управлять страной, тем более такой огромной как Россия. На Западе уже думают о прямой демократии XXI века, а у нас о возвращении к авторитаризму века 19-го!

И неправда, что в России существует лишь авторитарная традиция. Державники забывают о Советах, родившихся в 905-ом году, и после Октября 17-го в считанные недели распространившихся по всей Российской империи. Большевиков было тогда слишком мало и не было у них еще никаких “силовых структур”, чтобы насилием можно было объяснить это “триумфальное шествие Советов” по России. И поначалу Советы были сугубо демократическими органами власти, прообразом демократии будущего. Однако большевики (мы уже об этом говорили) подавили главный механизм их “продвинутой” демократичности — выборы по производственному принципу.